

Воспоминанія стараго педагога.

виженіе впередъ, обуявшее всѣхъ педагоговъ въ концѣ пятидесятихъ годовъ, не могло не отразиться и на самомъ ходѣ дѣлъ въ гимназіи. Директоръ сталъ почти въ дружескія отношенія къ учителямъ. Инспекторъ пересталъ сѣчь учениковъ, а сами учителя, въ особенности молодые, начали популярничать въ средѣ учениковъ, нерѣдко изъ одного пустого желанія пококетничать предъ дѣтьми своимъ либерализмомъ. Всѣ махнуло рукою на прошлое, не выключая и своихъ обязанностей, строгое исполненіе которыхъ чуть не начали считать ретроградствомъ. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали чего-то новаго и главное извиѣ отъ начальства и правительства. Ученики чуть не съ пятаго класса начали воображать себя студентами и, не окончивъ курса гимназіи, спѣшили въ Кіевъ для поступленія въ университетъ, гдѣ благодаря новымъ вѣяніямъ вступительные экзамены производились крайне слабо. Число моихъ учениковъ начало быстро уменьшаться и, наконецъ, въ 1860 г. осталось всего три ученика, желавшихъ слушать законовѣдѣніе. Имъ посоветовалъ я обратиться къ изученію латинскаго языка, а моя кафедра упразднилась *de facto*.

Такъ разрѣшилось общее стремленіе учащихся въ университетъ на мнѣ лично. Нельзя сказать, чтобы оно имѣло благотворное вліяніе и на общій ходъ обученія и воспитанія въ гимназіи. Благодаря необыкновенной снисходительности приѣма въ университетъ и въ Нѣжинскій лицей случались такіе курьезы, что ученики отпѣтые,

¹⁾ См. „Русская Старина“, ноябрь 1911 г.

не захотѣвшіе учиться въ гимназіи, успѣвшіе вырости, но не достигшіе 7-го и даже 6-го класса, успѣвали безъ большого труда проскочить въ высшее учебное заведеніе и появиться въ средѣ своихъ товарищей, продолжающихъ трудиться въ гимназіи, и возбуждать и зависть, и желаніе подражать имъ. Сознаніе необходимости систематическаго и законченнаго образованія совершенно ослабѣвало, а вмѣстѣ съ тѣмъ и падалъ уровень успѣховъ учащихся, въ особенности въ высшихъ классахъ. Учились по большей части только ученики болѣе посредственныхъ способностей, которые боялись, такъ сказать, потерять почву подъ ногами, т. е. и гимназію бросить, и университета не достигнуть. Ученики болѣе даровитые кропотливое приготовленіе ежедневныхъ уроковъ считали ниже своего достоинства и нерѣдко прямо заявляли, что они не желаютъ готовить уроковъ, такъ какъ они готовятся въ университетъ. Между тѣмъ воздѣйствіе со стороны инспекціи было крайне слабо. Инспекторъ какъ бы любовался и шутилъ надъ паденіемъ дисциплины. „Погодите, будетъ еще и не то“, говаривалъ онъ иногда, какъ бы обиженнымъ тономъ, намекая по всей вѣроятности на какія-то бѣдствія, угрожающія гимназіи вслѣдствіе вынужденнаго начальствомъ отсутствія „спасительной розги“. Старые порядки въ гимназіи были похоронены и отошли въ область исторіи, а новые еще не были созданы. Мы очутились въ положеніи неопредѣленномъ, между двухъ стульевъ. Началось въ гимназіи броженіе умовъ, которое впрочемъ было только отраженіемъ общаго умственнаго броженія и въ средѣ тогдашняго русскаго общества, и въ тогдашней литературѣ.

IX.

Мой переѣздъ въ Кіевъ и назначеніе инспекторомъ Кіевской 1 гимназіи.— Реформы по хозяйственной части.— Приѣздъ Пирогова.— Дѣло о княжескомъ коврѣ.— Приѣздъ въ Кіевъ семейства моего.— Состояніе Кіевской 1 гимназіи.— Моя борьба съ полонизмомъ.

Но не буду забѣгать впередъ. Въ 1860 г. я, поощряя учениковъ къ переходу на латинскій языкъ, въ видахъ устраненія препятствія къ поступленію въ университетъ, дошелъ до того, что лишился слушателей. Это случилось какъ разъ въ ту пору, когда семейство мое увеличилось, и когда финансовое мое положеніе все болѣе и болѣе разстраивалось, частію вслѣдствіе значительнаго возвышенія цѣнъ на всѣ жизненные припасы, а частію вслѣдствіе того, что братъ, немного помогавшій мнѣ, женился и зажилъ особою своей семьей. Нужно было серьезно подумать о будущемъ. Признаюсь,

въ душѣ я не разъ пожалѣлъ, что погорячился и форсировалъ упраздненіе своего преподаванія. Но дѣло было сдѣлано! Приходилось считаться съ совершившимся фактомъ. Я рѣшился отправиться въ Кіевъ и тамъ попытаться счастья. Въ началѣ іюля 1860 г. я прибылъ въ Кіевъ. Пирогова въ Кіевѣ не оказалось. Онъ проводилъ вакаціи въ своемъ имѣніи въ с. Вишнѣ Винницкаго уѣзда, Подольской губерніи. Я явился къ управлявшему округомъ помощнику попечителя округа Михневичу. Михневичъ поразилъ меня новостью, о которой я и не мечталъ. Онъ объявилъ, что попечитель приказалъ пригласить меня на должность инспектора Кіевской 1 гимназіи, и что онъ, Михневичъ, приказалъ уже послать мнѣ въ Черниговъ телеграмму съ такимъ предложеніемъ. Онъ просилъ меня немедленно явиться къ директору гимназіи Александру Карловичу Деллену и приступить къ принятію имущества гимназіи и пансіона, такъ какъ предмѣстникъ мой, князь Дабижа, получилъ новое назначеніе и спѣшилъ выѣхать изъ Кіева. Я явился къ директору, по его предложенію въ тотъ же день переселился въ одинъ изъ классовъ гимназіи, такъ какъ квартира инспектора была занята, и приступилъ къ принятію имущества гимназіи.

Въ странное положеніе попалъ я, вступивши въ должность инспектора Кіевской 1 гимназіи. Во всю свою жизнь я питалъ органическое отвращеніе къ казнокрадству и ко всякой незаконной наживѣ, а сдѣлавшись инспекторомъ, долженъ былъ, такъ сказать, стать у самаго источника казнокрадства, т. е. быть распорядителемъ въ большомъ заведеніи, въ которомъ пансіонъ состоялъ изъ 150 душъ, ровно изъ такого числа душъ, какъ институтъ казеннокоштныхъ студентовъ въ университетѣ. Директоръ гимназіи, занятый профессурой, стоялъ вдали отъ хозяйства, бывший инспекторъ князь Дабижа держалъ себя по-княжески, не вмѣшиваясь въ дѣла. Полнымъ хозяиномъ являлся экономъ — полякъ, совершеннѣйшій типъ эконома добраго стараго времени, со всѣми привычками старыхъ мовхъ кормителей въ университетѣ. Это явно обнаружилось при первомъ нашемъ знакомствѣ. Едва я успѣлъ переѣхать въ гимназію, экономъ явился ко мнѣ и любезно предложилъ свои услуги по части стола. Я его любезно поблагодарилъ и просилъ не беспокоиться, объяснивъ, что у меня есть все свое, и что я ни въ чемъ не нуждаюсь. Такое категорическое заявленіе по всей вѣроятности не порадовало эконома. По крайней мѣрѣ я не могъ не замѣтить его смущенія. Скоро открылась и причина такого смущенія. Я потребовалъ прихода-расходныя книги и нашель ихъ совершенно бѣлыми, а между тѣмъ по справкамъ въ дѣлахъ дирекціи оказалось, что въ распоряженіе эконома съ

января по іюль мѣсяць отпущено болѣе десяти тысячъ. Въ то же время я потребовалъ росписаніе кушаньевъ и нашелъ, что обѣды воспитанниковъ, несмотря на громадную затрату, состояли изъ самыхъ простыхъ блюдъ: борщу или супу и разнаго рода кашъ. Хлѣбъ давался порціями, на приготовленіе чаю употреблялся сахарный песокъ; вообще въ отношеніи питанія дѣтей скарденность была полная. Все это достаточно убѣждало меня, что даваемое экономомъ продовольствіе было крайне недостаточно для питанія молодыхъ желудковъ. Я рѣшился все это сообщить директору и съ его согласія принялъ мѣры къ прекращенію подобнаго безобразія. Я началъ вникать во всѣ статьи пансіоннаго хозяйства. Пошли открытія за открытіями. Но и экономъ не дремалъ. Первымъ дѣломъ онъ атаковалъ меня неоплаченными счетами разныхъ торговцевъ за отпущенные будто бы для пансіона продукты. Я категорически заявилъ, что за прошлое время не заплачу ни мѣднаго гроша, и что всѣ счета за продукты, купленные по день моего вступленія въ должность, должны быть оплачены изъ денегъ, уже полученныхъ экономомъ въ руки. Тогда претензіи сами собою улетучились. Экономъ потерпѣлъ неудачу и началъ жаловаться своимъ прихлебателямъ (которые играли въ карты на его журфиксахъ, какъ мнѣ сдѣлалось достовѣрно извѣстно), что я хочу его пустить по міру. Самое главное обвиненіе состояло въ томъ, что я не позволилъ отпускать ему денегъ наобумъ общими цифрами, а ввелъ отпускъ по дѣйствительнымъ расходамъ, требуя лично подаваемого торговцемъ счета. Распоряженіе это, исключавшее всякую возможность злоупотребленія суммами, привело въ ужасъ эконома. Смотритель дома, очень почтенный старикъ, пришелъ убѣждать меня, что я затѣялъ совершенно невозможный порядокъ, и что такой порядокъ окончательно свяжетъ по рукамъ и ногамъ его, смотрителя, и еще болѣе эконома. Экономъ былъ въ отчаяніи, но того и не предполагалъ, что мои первые шаги только цвѣточки, а что еще найдутся и ягодки. Для того, чтобы окончательно убить казнокрадство, я рѣшился вывести все на чистую воду. Прежде всего я считалъ необходимымъ уяснить себѣ, какой именно столъ можно дать ученикамъ за отпускавшіяся въ то время на человѣка 22 коп. въ день. Съ этою цѣлью я обратился къ помощи старшихъ учениковъ и посредствомъ ихъ дежурствъ при выдачѣ продуктовъ на кухню, а также во время приготовленія пищи и выдачи оной воспитанникамъ, съ точностію опредѣлилъ количество продуктовъ, необходимыхъ ежедневно для стола, и составилъ таблицу количествъ ихъ на каждый день и на каждое кушанье. Такъ мнѣ удалось на отпускавшіяся деньги устроить сытный и болѣе или менѣе питательный

столь, ввести мясные завтраки, ввести двѣ говядины для обѣда, особую для борща и особую для жаркого, котлетъ, битковъ и проч. Получивъ такое расписаніе, экономя возопилъ, что отпускаемой суммы недостаточно для такого кормленія, и что онъ не имѣетъ возможности кормить учениковъ на свой счетъ. На эти жалобы я отвѣтилъ, что все беру на свою отвѣтственность, и дѣйствительно при помощи ключника Панкова, послужившаго дѣлу вѣрою и правдою, доказалъ, что не только назначенною суммою прокормилъ учениковъ, но еще сдѣлалъ за полгода сбереженіе до тысячи руб.

Устроивши продовольствіе, я принялся за освѣщеніе. У меня въ квартирѣ горѣли собственныя мои лампы и стеариновыя свѣчи. Я практически изслѣдовалъ, сколько въ часъ сгораетъ масла и свѣчей (тогда еще не знали керосина). Результаты изслѣдованій были таковы, что при томъ же количествѣ лампъ и свѣчей оказалось возможнымъ сальныя свѣчи замѣнить стеариновыми. При всемъ томъ расходъ на освѣщеніе, назначенный по смѣтѣ въ 1.500 руб., уменьшенъ втрое; а именно: всего израсходовано 500 руб., что и внесено въ смѣту на будущій годъ.

Такъ мало-по-малу изслѣдованы были всѣ статьи расходовъ и прекращены были всѣ пути къ наживѣ. Дошло дѣло до того, что экономя обратился ко мнѣ съ просьбою дозволить ему брать хотя тарелку борщу изъ общаго котла; но я велѣлъ отпускать изъ того же котла не только тарелку борщу, но цѣлый обѣдъ.

Въ концѣ августа возвратился въ Кіевъ и попечитель Пироговъ, который уже зналъ отъ Михневича о моихъ подвигахъ и вполне остался доволенъ. Скоро еще болѣе выяснилась необходимость принятыхъ мною мѣръ. Бывшій инспекторъ Дабижа въ письмѣ на имя Пирогова заявилъ претензію о какомъ-то коврѣ. Пироговъ это странное письмо передалъ мнѣ и поручилъ произвести подробное разслѣдованіе. По слѣдствію оказалось: въ пансіонѣ вслѣдствіе дурного продовольствія воспитанники проѣдали всѣ свои карманныя деньги, а когда ихъ не стало, прибѣгали къ займамъ и къ продажѣ своихъ вещей. Доходило дѣло даже и до воровства. Дальнѣйшія разслѣдованія открыли и виновника всей переводки, который служилъ умывальщикомъ при пансіонѣ. Онъ завелъ настоящую торговлю и, торгуя продуктами, сбывалъ всѣ заложенныя и проданныя вещи другимъ переводчикамъ. Этою же дорогою отправился и коверъ князя, такъ какъ ему прислуживалъ тотъ же умывальщикъ. Вышелъ курьезъ довольно поучительный. По порученію Пирогова я сообщилъ князю результатъ моихъ изслѣдованій и получилъ въ отвѣтъ нелюбезное письмо. Князю не понравилось, видите ли, что

по собственной винѣ онъ попалъ въ просакъ, а потому и постарался своими репримандами замаскировать свою ошибку.

Въ концѣ августа 1860 г. переѣхало въ Кіевъ и мое семейство, и мы зажили съ бѣдой пополамъ, потому что при тогдашнемъ жалованьѣ, всего 98 р. въ мѣсяцъ, при кіевской дороговизнѣ, прожить было на эти деньги довольно трудно. Приходилось жить какъ можно скромнѣе, избѣгая всякихъ излишнихъ расходовъ. Тѣмъ не менѣе мы умѣли сводить концы съ концами, не входя въ долги, которыхъ я всегда боялся, какъ огня.

Но довольно! Ничего нѣтъ скучнѣе, какъ всякіе денежные разговоры.

А. Ѳ. Андріяшева.

(Продолженіе слѣдуетъ).

